

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

САГА О ВИДЯЩИХ
Ученик убийцы
Королевский убийца
Странствия убийцы

САГА О ЖИВЫХ КОРАБЛЯХ
Волшебный корабль
Безумный корабль
Корабль судьбы

САГА О ШУТЕ И УБИЙЦЕ
Миссия шута
Золотой шут
Судьба шута

ХРОНИКИ ДОЖДЕВЫХ ЧАЩОБ
Хранитель драконов
Драконья гавань
Город драконов
Кровь драконов

САГА О ФИТЦЕ И ШУТЕ
Убийца шута
Странствия шута
Судьба убийцы

СЫН СОЛДАТА
Дорога шамана

РОБИН ХОББ

СЫН СОЛДАТА

ДОРОГА ШАМАНА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
X 68

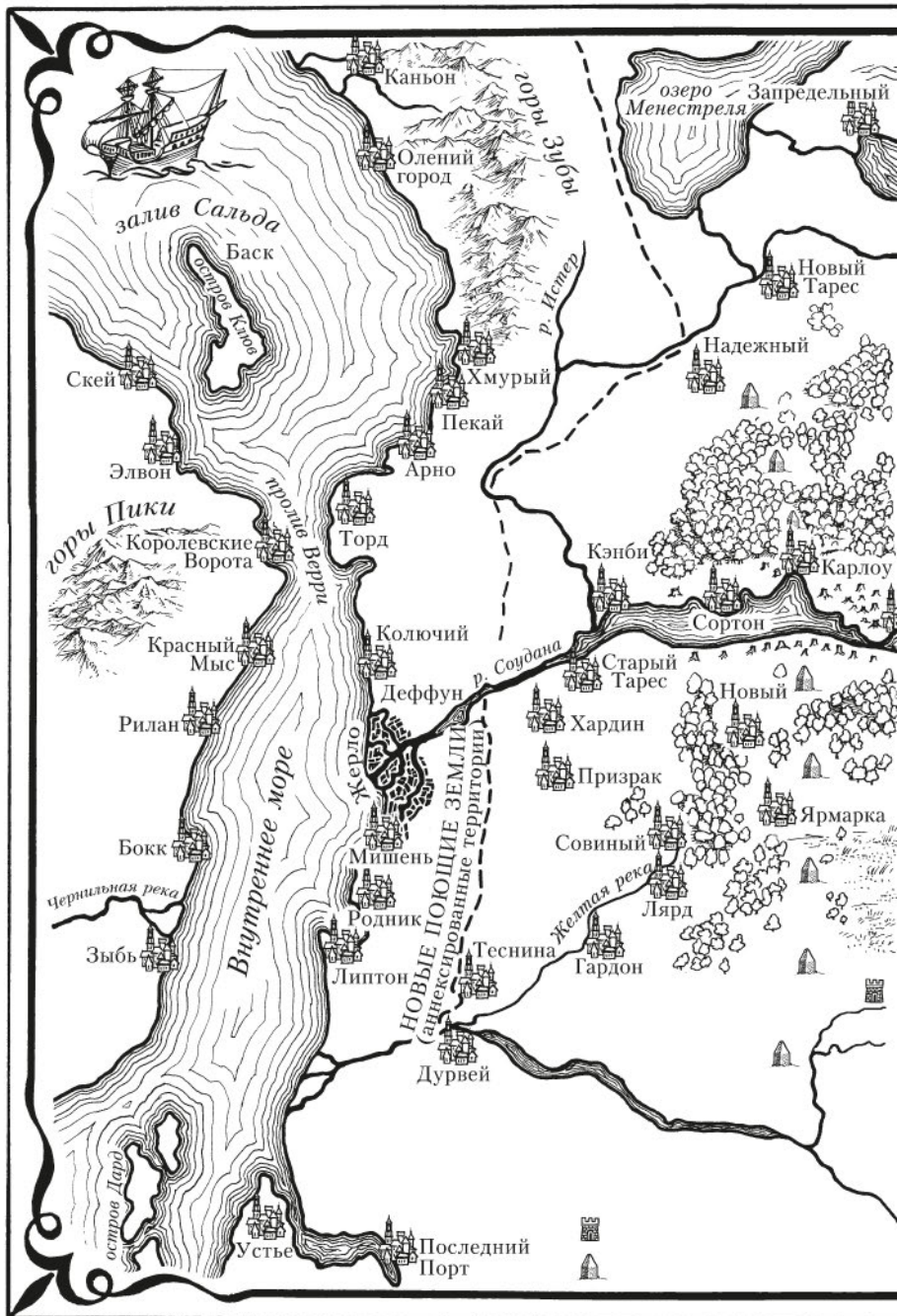
Robin Hobb
SHAMAN'S CROSSING
Copyright © 2005 by Megan Lindholm
All rights reserved

Перевод с английского
Владимира Гольдича и Ирины Оганесовой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Егора Саламашенко
Иллюстрация на обложке Сергея Шикина
Карта выполнена Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-20327-3

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод,
2007
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается господам Кофеину и Сахару,
помогавшим мне долгими ночами,
когда создавался этот роман*

Глава 1

МАГИЯ И ЖЕЛЕЗО

Я хорошо помню, как в первый раз увидел магию жителей равнины.

Мне было восемь лет, и отец взял меня с собой на заставу возле Излучины Франнера. Мы встали еще до рассвета, поскольку впереди нас ждал долгий переход, и в полдень увидели флаг, развевающийся над стенами форта, что стоял на берегу реки. Много лет назад его возвели на границе спорных земель, на которые претендовали жители равнины и быстро расширяющего свои владения королевства Герния. Теперь эти места находились далеко от границы, но прежняя военная слава осталась. Ворота охраняли две огромные пушки, однако вдоль покрытого грязью частокола расположились торговые ряды, и потому впечатление возникало не такое грозное. Дорога из Широкой Долины влилась в гораздо более наезженный тракт, берущий начало у развалин. Крыши и стены давно обвалились, остался лишь фундамент с зияющими дырами, похожими на впадины в черепе, лишенном зубов. Я с любопытством посмотрел на них и осмелился задать вопрос:

— Кто жил здесь прежде?

— Люди равнин, — ответил капрал Парт.

По его тону я понял, что больше он ничего говорить не намерен. Он не любил рано вставать и, судя по всему, сейчас винил меня в том, что ему пришлось подняться с постели ни свет ни заря.

Я решил придержать язык, но вопросы сами посыпались как горох:

— А почему дома разрушены? Почему они покинули эти места? Я думал, у жителей равнин не бывает городов. Но тогда откуда взялись эти равнины?

— У людей равнин нет городов. Они ушли потому, что ушли. Дома разрушены из-за того, что строители из жителей равнин ни-

чуть не лучше, чем из термитов. — Негромкий ответ Парта прозвучал так, словно он разговаривал с человеком, глупее которого еще не рождалось на свет.

Мой отец всегда обладал превосходным слухом.

— Невар, — позвал он.

Я слегка пришпорил лошадь, чтобы догнать более мощного скакуна, на котором ехал мой отец. Он бросил на меня короткий взгляд, желая убедиться, что я его слушаю, и сказал:

— Большинство людей равнин не строят городов. Но некоторые, вроде народа беджави, живут в сезонных поселениях. Излучина Франнера — одно из них. Они сюда пришли вместе со своими стадами во время засухи, поскольку здесь имелись хорошие пастбища и вода. Однако они не любят долго оставаться на одном месте, поэтому их постройки не слишком надежны и быстро разрушаются. В другие времена года они уводят стада на равнины, а затем просто следуют за ними.

— Но почему они не захотели остаться здесь и построить себе более надежные жилища?

— У них другие обычаи, Невар. Сказать, что люди равнин не умеют строить, было бы неправильно, ведь они сумели возвести в разных местах несколько монументов, которые имели для них огромное значение, и эти сооружения прекрасно выдержали испытание временем. Когда-нибудь я отведу тебя к одному из них — он называется Танцующее Веретено. Но они не строят городов, как это делаем мы, не избирают правительство и не пытаются заботиться о своем народе. Вот почему они остаются бедными кочевниками, страдают от набегов кидона и капризов природы. Теперь, когда мы убедили беджави осесть на одном месте, стали учить их сооружать постоянные поселения и школы, а также делать запасы провизии, они заживут гораздо лучше.

Я задумался над словами отца. Мне уже приходилось встречаться с беджави. Некоторые из них поселились в северной части Широкой Долины, рядом с владениями моего отца. Однажды я побывал в их деревне. Довольно грязное место — несколько случайным образом построенных домов, без малейших намеков на улицы, повсюду мусор и нечистоты. Мне там не понравилось. Казалось, отец понял, о чем я думаю.

— Иногда людям требуется немало времени, чтобы начать жить по-человечески. Учение, познание нового всегда дается тя-

жело. Но в конце концов они многое выиграют. Народ Гернии считает своим долгом помочь жителям равнин приобщиться к цивилизации.

О, это я понимал. Моя неравная борьба с математикой должна была помочь мне стать хорошим солдатом. Я кивнул, и мы продолжали ехать дальше, почти касаясь стременами.

Город у Излучины Франнера стал местом встреч гернийских купцов, здесь они весьма недешево продавали скучающим по дому солдатам свои товары и покупали самые разные изделия жителей равнин и безделушки для городских рынков запада. Солдаты, как и прежде, жили в казармах, которые все еще оставались сердцем города, а торговля стала еще одним веским поводом для их существования. За пределами укреплений маленького военного поселения появилось множество новых домов, выросших вокруг речных причалов. Многие солдаты уходили на покой и селились здесь, где им могли оказать помощь более молодые братья по оружию. Наверное, когда-то форт у Излучины Франнера имел стратегическое значение, теперь же он больше походил на тихую заводь. Впрочем, флаги до сих пор поднимались утром с военной точностью и торжественностью. Правда, отец сказал мне по дороге сюда, что служба у Излучины Франнера считается легкой, сюда направляют тех офицеров, кто уже немолод или так и не оправился после ранения, но еще не готов уйти в отставку и вернуться к своим семьям.

Мы прибыли в форт для того, чтобы выяснить, сможет ли отец получить военный контракт на овечьи шкуры, которые использовали для пошива седел. В то время моя семья только начинала заниматься разведением овец, и мы хотели оценить возможные рынки сбыта, прежде чем вкладывать крупные деньги в этих глупых животных. И хотя отцу совсем не нравилась роль купца, он как новоявленный аристократ вынужден был ради процветания поместья заниматься всеми хозяйственными вопросами.

— Я не хочу, чтобы твоему брату, когда он вырастет, достался в наследство только лишь титул. У будущего лорда Бурвиля с Востока должен быть доход, позволяющий ему поддерживать достойный образ жизни. Вероятно, ты полагаешь, будто это не имеет к тебе никакого отношения, юный Невар, поскольку второй сын всегда становится солдатом. Но дело в том, что, когда тебе придет время выходить в отставку, ты сможешь вернуться в по-

местье брата и будешь доживать свои дни в Широкой Долине. К тому же доходы поместья определяют, насколько хорошо выйдут замуж твои дочери, ибо долг старшего сына дворянина — обеспечить дочерей своего младшего брата. Тебе следует знать о таких вещах.

Тогда я мало понимал из того, что говорил мне отец. В последнее время он стал общаться со мной гораздо больше, нежели раньше, но я улавливал смысл хорошо если половины из того, что он пытался мне втолковать. Он совсем недавно разлучил меня с сестрами, и я скучал по их обществу и тихим играм. И еще мне очень не хватало маминой нежности. Расставание получилось слишком резким — как только отец обнаружил, что большую часть дня я играю в саду с Элиси и Ярил и что у меня даже есть собственная кукла. Подобное времяпрепровождение вызвало у отца тревогу, природу которой мой восьмилетний разум постичь не мог. Он отругал мою мать — из-за закрытых дверей до меня доносилась их приглушенная «дискуссия», — и в результате сам занялся моим воспитанием. Мои уроки были приостановлены до прибытия нового наставника. В последующие дни отец постоянно держал меня рядом с собой, давал скучные и неприятные поручения и пускался в долгие разговоры о том, какой будет моя жизнь, когда я вырасту и стану офицером королевской каваллы. Кроме того, меня почти постоянно сопровождал капрал Парт.

Такие резкие перемены в жизни выбили меня из колеи. Я чувствовал, что каким-то образом разочаровал отца, но не знал, в чем состояли мои ошибки. Мне хотелось вернуться к сестрам и при этом было стыдно, что я скучаю по ним, поскольку теперь я перестал быть ребенком — пришло мое время стать вторым сыном-солдатом, о чем мне все время напоминали отец и старый толстый капрал Парт. Моя мать говорила про Парта, что его «наняли из жалости». Старый, с солидным брюшком, он был вынужден уйти в отставку и, обратившись к отцу, получил должность сторожа. Теперь он временно замещал няню, которая прежде опекала сестер, а заодно и меня.

Парт должен был учить меня «основам военной выправки и выносливости» до тех пор, пока отец не найдет для меня более подходящего наставника. Парт мне не слишком нравился. Няня Сиси была более строгой и требовала от меня большего, чем капрал. Неуклюжий старик, даже в отставке цеплявшийся за свое зва-

ние капрала, он относился ко мне, как к обузе, и вовсе не рвался отточить мой ум и закалить тело. Довольно часто, вместо того чтобы учить меня верховой езде, он укладывался на часок вздремнуть, поручая мне «быть настоящим маленьким часовым», что означало сидение на ветке раскидистого дерева, пока он спал вниз. Конечно, я ничего не рассказывал отцу. Прежде всего Парт распределил между нами роли: он командир, а я солдат, и объяснил, что настоящий солдат никогда не ставит под сомнение приказы командира.

Моего отца хорошо знали в форте у Излучины Франнера. Мы проехали через город и остановились у ворот крепости. Здесь его встретили с почетом. Я с любопытством смотрел по сторонам — мы миновали бездействующую кузницу, пакгауз и казармы и придерживали коней только перед домом командующего. Разинув рот, я тарасился на роскошное трехэтажное каменное здание, а отец тем временем давал указания Парту:

— Пусть Невар осмотрит заставу, а ты объясни ему все. Покажи пушку и расскажи о выборе позиции и дальности стрельбы. Укрепления здесь построены в соответствии с классическими канонами. Невар должен понимать, что это означает.

Если бы отец, поднимаясь по ступеням, оглянулся, он увидел бы, как Парт закатил глаза. Настроение у меня испортилось. Я понял, что Парт не намерен выполнять указания отца и позднее меня обвинят в нежелании учиться — так уже случалось не раз. Однако я решил не допустить, чтобы это снова повторилось.

Капрал жестом велел следовать за ним, и мы прошли с десяток шагов по улице.

— Перед тобой казармы, здесь живут солдаты, — сообщил мне Парт. — А это таверна, где солдаты могут выпить пива и немного отдохнуть, когда свободны от службы.

Здесь и закончилось мое знакомство с фортом. Казармы и таверна были построены из плохо оструганных досок, выкрашенных в зеленый и белый цвет, — длинное низкое здание с открытой террасой, идущей вдоль всей его длины. Свободные от дежурств солдаты чинили форму, чистили сапоги, болтали, курили, что-то жевали, сидя в тени на жестких скамейках. Перед таверной собралась компания людей, подобных которым я видел множество раз. Слишком старые или получившие увечья, они больше не могли служить в армии. Одеты они были кто во что горазд: и в обно-

ки военной формы, и в гражданскую одежду. За одним из столиков сидела одинокая женщина в выцветшем оранжевом платье, с увядшим цветком за ухом. Она выглядела очень усталой.

Отставные солдаты часто обращались к отцу, рассчитывая получить работу и крышу над головой. Если отцу казалось, будто они могут принести хоть какую-то пользу, он нанимал их, чем неизменно приводил в отчаяние мать. Но этих людей из таверны отец к себе на службу не взял бы ни за что. Их одежда была рваной, небритые лица грязны. Полдюжины мужчин сидели на скамейках, пили пиво, жевали табак и сплевывали вязкую коричневую слюну прямо на землю. Воздух наполнял острый запах табака и пролитого пива.

Когда мы проходили мимо, Парт с тоской посмотрел в сторону низких окон, а потом радостно поприветствовал старого приятеля, которого не видел много лет. Я со скучающим видом отошел в сторону, пока двое друзей через открытое окно таверны обменивались новостями. Приятель Парта опирался локтями на подоконник, а мы оставались на улице. Вев — так его звали — недавно прибыл в форт вместе с женой и двумя сыновьями, которые родились после того, как он вышел в отставку, повредив спину в результате падения с лошади. Как и многие другие солдаты, когда служба для него закончилась, он остался без гроша. Его жена шила, и благодаря этому они могли оплачивать жилье, но денег постоянно не хватало. А чем сейчас занимается Парт? Работает на полковника Бурвиля? Я увидел, как лицо Вева повеселело. Он тут же пригласил Парта присоединиться к нему, чтобы отпраздновать встречу. Когда я собрался последовать за ним, Парт бросил на меня суровый взгляд.

— А ты подожди снаружи, Невар. Я не задержусь.

— Вы не должны оставлять меня одного в городе, капрал Парт, — напомнил я ему.

Я слышал, как отец несколько раз повторял это по дороге сюда, вот почему я удивился, что Парт забыл его наставления. Более того, я рассчитывал на благодарность за то, что помогаю ему избежать неприятностей. Отец внушил мне, что всякий раз, когда он напоминает мне о правиле, которое я забыл, мне надлежит выразить свою признательность.

Однако Парт нахмурился.

— Ты и не будешь один, Невар. Я вижу тебя через окно, к тому же старые солдаты за тобой присмотрят. Тебе нечего бояться. Просто посиди возле двери и подожди меня, как я тебе сказал.

— Но я должен оставаться с вами, — упрямо возразил я.

Мне было велено не покидать Парта, вдобавок ко всему его распоряжение не имело ничего общего с приказом отца показать мне форт. У старого капрала могут быть неприятности из-за того, что он оставил меня одного на улице. А еще я боялся, что отец не ограничится обычным порицанием, если я расстанусь с Партом.

Но приятель Парта тут же нашел решение.

— Мои парни, Ворон и Дарда, тут неподалеку, за углом кузницы, играют с другими ребятами в ножички. Почему бы тебе не посмотреть, как это делается, и не поиграть с ними? Мы посидим здесь немного. Я поболтаю с дядей Партом о том, как найти такую легкую работу, какую он подыскал себе, — вытирать нос сыну старого полковника Бурвиля дело совсем несложное.

— Говори пристойно, когда рядом мальчик! Неужели ты думаешь, он не расскажет о том, что ты болтал? Заткнись, Вев, если не хочешь, чтобы я потерял работу.

— Ну, я не хотел сказать ничего плохого, ведь мальчик все понял, правда?

Я неуверенно улыбнулся. Вев явно дразнил Парта, возможно, заодно насмеялся надо мной и моим отцом. Но я не понимал причины. Разве они не друзья? И если Вев оскорбляет Парта, почему тот просто не уйдет прочь как джентльмен или не потребует удовлетворения, как это часто случалось в историях, которые моя старшая сестра читала младшей, когда родителей не было рядом? Все это показалось мне ужасно сложным, подобно многим другим взрослым разговорам, что велось в моем присутствии в последнее время, — из них почему-то следовало, будто я вырасту женподобным неженкой. Так или иначе, но я не знал, как мне поступить.

Между тем Парт довольно резко подтолкнул меня в сторону больших парней, которые собрались возле пакгауза, и велел поиграть с ними, сказав, что он скоро вернется, а сам тут же исчез в таверне, оставив меня на улице одного.

Город, выросший при форте, — весьма суровое место, и я об этом знал, несмотря на свои восемь лет, поэтому подошел к боль-

шим парням с опаской. Они играли в ножички в переулке между кузницей и пакгаузом. Перед каждым броском они ставили медные монетки, после чего по очереди метали нож в землю. Ставки делались на то, воткнется ли лезвие в землю и как близко к собственной ноге, не поранив себя, удастся это сделать. Поскольку все участники были босиком, игра вызывала интерес — вокруг столпились пятеро мальчишек. Даже самому младшему из них было лет девять-десять, а старшему — не меньше тринадцати. Все они — сыновья простых солдат — носили истрепанную отцовскую одежду и были грязны, точно бродячие собаки. Пройдет несколько лет, они подпишут бумаги и станут пехотинцами. Мальчишки не хуже меня знали, какое будущее их ждет, и с радостью пользовались отпущенной им свободой, развлекаясь дурацкими играми на пыльных улицах.

У меня не было монеток, чтобы присоединиться к ним, да и одет я был слишком хорошо для их общества, поэтому они немного потеснились, дав мне возможность наблюдать за игрой, но заговаривать со мной никто не стал. И все же из их болтовни между собой я узнал несколько имен. Довольно долго я с интересом наблюдал за происходящим, внимательно слушая, как они ругаются, когда выигрывают или проигрывают очередную ставку. Несомненно, их разговоры сильно отличались от тех, что велись во время чаепитий, которые устраивали мои сестры, и я спросил себя — не такую ли мужскую компанию имел в виду мой отец, когда отчитывал меня за участие в девчоночьих играх.

Солнце приятно припекало, игра все не кончалась, мелкие монетки и другие случайные сокровища переходили из рук в руки. Мальчишка по имени Карки порезал себе ногу, немножко повыл, попрыгал на здоровой ноге, но потом снова вернулся в игру. Ворон, сын Вева, посмеялся над ним и с довольным видом спрятал в карман два пенни и три стеклянных шарика, которые тот поставил на кон. Я был настолько поглощен происходящим, что наверняка не заметил бы разведчика, если бы мальчишки не прекратили игру. Они молча наблюдали за ним, пока он проезжал мимо.

То, что он разведчик, я понял по его одежде, состоящей наполовину из военной формы, наполовину из вещей, которые носят обитатели равнин. Темно-зеленые штаны, как у настоящего кавалериста, каваллы и безусловно чистая льняная рубашка из гардероба кочевников. Волосы у него были заметно длиннее, чем

у обычного солдата, и почти что касались плеч, а головной убор удерживала красная шелковая лента. День выдался теплый, и он закатал рукава рубашки, демонстрируя всем завитки татуировок, браслеты из серебра и бронзы и амулеты из пьютера¹.

Разведчик сидел верхом на хорошей вороной лошади с длинными сильными ногами, в гриву которой были вплетены амулеты, позвякивавшие при каждом шаге. Я с интересом наблюдал за ним. Говорят, что разведчиков обучают и готовят отдельно. Они являлись офицерами, чаще всего лейтенантами, многие имели благородное происхождение. Обычно они вели независимый образ жизни и подчинялись непосредственно командиру заставы. Разведчиков считали предвестниками всяческих неприятностей, будь то разливы рек, разбитые дороги или волнения среди обитателей равнин.

Вслед за разведчиком на гнедом мерине ехала девочка лет двенадцати или тринадцати. Невысокий скакун с благородно посаженной головой явно происходил от лучших лошадей кочевников. Она ехала верхом, чего никогда бы себе не позволили благородные гернийские девушки, вот почему я сразу решил, что в ее жилах течет смешанная кровь. К тому же об этом говорил и ее наряд. Вообще-то, смешанные браки не такая уж редкость, поскольку гернийские солдаты часто выбирают себе жен среди жительниц равнин, но к полукровкам принято относиться с жалостью.

Впрочем, разведчики редко опускались так низко. Я с нескрываемым любопытством смотрел на девочку. Моя мать часто говорила, что полукровки омерзительны нашему доброму богу, и я с удивлением обнаружил, что такое неприятное слово относится к столь прелестному существу с высоким лбом и удивительными серыми глазами. На ней было надето несколько ярких пышных юбок — оранжевая, зеленая, желтая, — они прикрывали бока лошади и колени девочки, но оставляли открытыми икры и щиколотки, затянутые в мягкие сапожки из кожи антилопы с позвякивающими серебряными амулетами на шнурках. Между юбками и сапожками виднелись свободные белые штаны. Длинные каштановые волосы девочки были заплетены в десяток аккуратных косичек, которые, несмотря на головной убор, спадали ей на плечи. Ее белая блузка с широким воротом не имела рукавов,

¹ Пьютер — сплав олова и свинца. — *Примеч. перев.*

и поэтому все окружающие могли любоваться черным ожерельем на ее шее и множеством браслетов, украшавших оба ее предплечья от локтя до запястья. Девочка с гордостью демонстрировала богатство своей семьи. Открытые руки были загорелыми и мускулистыми, как у мальчишки. Она дерзко смотрела по сторонам, чем сильно отличалась от моих сестер — те редко поднимали глаза, когда оказывались в обществе.

Наши взоры встретились, и мы оценивающе оглядели друг друга. Вероятно, она никогда не видела сына-солдата дворянского происхождения, и я невольно расправил плечи, прекрасно понимая, что выделяюсь из толпы грязных оборванных мальчишек своими темно-зелеными штанами, чистой рубашкой и черными сапогами. Я был уже не настолько мал, чтобы внимание юной девушки мне не польстило. Наверное, это разозлило мальчишек, поскольку они уставились на меня, как голодные собаки на пухлого котенка.

Девочка и разведчик спешили у того самого здания, куда вошел мой отец. У мужчины был чистый звонкий голос, и мы все услышали, как он пообещал вернуться, как только доставит донесение командиру. Он дал девочке несколько монет и добавил, что она может сходить на рынок и купить сладостей, свежего сока или ленты для волос, но попросил ее дальше не ходить.

— Хорошо, папа, — откликнулась она, и в ее голосе прозвучало нетерпение — ей хотелось поскорее оказаться на рынке.

Разведчик бросил взгляд в нашу сторону и нахмурился, но потом поспешно поднялся по ступенькам и скрылся в доме.

Его дочь осталась на улице одна.

Я знал, что мои сестры, оказавшись в таком положении, пришли бы в ужас. Мои родители никогда не оставляли ни Элиси, ни маленькую Ярил без взрослой спутницы. Быть может, отец не слишком ее любит, подумал я. Но когда девушка с улыбкой двинулась мимо нас к рыночной площади, которая находилась у ворот заставы, я увидел, что она нисколько не напугана и чувствует себя уверенно. У нее была легкая изящная походка, и она явно собиралась получить удовольствие от посещения рынка. Я не спускал с нее глаз.

— Вы только посмотрите на нее, — прошепел один из старших мальчишек своему приятелю.

Ворон понимающе ухмыльнулся.

— Прирученная кобылка. Видишь черную штуку у нее на шее? Пока она ее носит, амулеты не действуют.

Я недоуменно переводил взгляд с одного хитрого лица на другое.

— Какие амулеты? — не выдержал я.

Только теперь Ворон соизволил меня заметить.

— Маленькие звенящие серебряные штуки, вплетенные в волосы, которые должны ее защищать. Магия равнин. Но кто-то ее укротил. Надень железный ошейник на шею женщине равнин, и она не сможет применить против тебя свои амулеты. Она вполне созрела, эта кобылка, можно брать.

— Что брать? — дерзко спросил я.

Я не видел никакой кобылки. Слова Ворона меня смутили, и я хотел получить объяснение. Тогда я еще не знал, что моя дерзкая самоуверенность, обусловленная чувством превосходства над этими мальчишками, сыновьями простых солдат, вызывает жуткую злость. Ворон громко расхохотался, а потом серьезно сказал:

— Ну, выбирать ей друзей, конечно. Ты ведь видел, как она на тебя посмотрела? Она мечтает стать твоим другом. А ты хочешь, чтобы она подружилась с нами, поскольку мы ведь твои друзья, верно? Почему бы тебе не подойти к ней, не взять за руку и не привести к нам?

Голос Ворона был сладок, точно патока, но за вкрадчивыми словами мне явственно послышался вызов. Парень жестом показал остальным мальчишкам, чтобы они отошли в сторонку, и те тут же скрылись в глубине переулка между домами. Мой взгляд задержался на лице Ворона. Его щеки покрывал легкий пушок, в уголках губ собралась грязь. А еще я заметил, что он криво подстрижен и одежда его покрыта пылью. Но Ворон был старше меня, и он играл с ножом, поэтому мне хотелось увидеть уважение в его глазах.

Девушка шла, словно газель, устремившаяся к воде. Она торопилась попасть на рынок, но следила за тем, что происходит вокруг. Она не смотрела на нас, однако я знал, что девушка нас видит. Наверное, она понимала, что мы говорили о ней. Я выскочил из переулка, надеясь ее перехватить, а когда она взглянула на меня, улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ. Этого оказалось достаточно. Я быстро подошел к ней, и она остановилась.

— Привет. Мои друзья хотят познакомиться с вами. — Ничего лучше я придумать не смог.

Тогда я не знал, что заманиваю ее в отвратительную ловушку. Мне кажется, она это поняла. Ее взгляд скользнул в сторону мальчишек, прячущихся в переулке, а затем она снова посмотрела на меня. Надеюсь, она догадалась, что я не виновен в злом умысле. Девушка вновь улыбнулась, но ее слова прозвучали холодно.

— Я не уверена, что тоже этого хочу. А сейчас мне нужно на рынок. До встречи. — У нее был чистый голос без акцента, и она хотела, чтобы ее услышали мои приятели.

Они и в самом деле всё слышали, а затем и увидели, как она решительно зашагала прочь. Один из мальчишек пронзительно засвистел, после чего Ворон презрительно рассмеялся. Я этого не мог перенести. Бегом догнав девочку, я схватил ее за руку.

— Пожалуйста! Подойдем к ним, скажите моим друзьям всего пару слов.

Она совершенно не испугалась и даже не стала вырывать руку. Доброжелательно посмотрев на меня, она проговорила:

— Ты милый мальчуган, не так ли? Почему бы тебе не сходить со мной на рынок?

Ее приглашение показалось мне более привлекательным, чем компания мальчишек. К тому же я любил ходить на рынок ничуть не меньше, чем мои сестры. Экзотические товары, удивительные безделушки так и просились в руки. А еще я обожал кушанья, которые продавались на рынке; мне нравилась пища людей равнин: пряная сдоба с зернами терна, сладкие и одновременно перченые мясные палочки, маленькие краешки соленого хлеба с кусочками каррада внутри. Я посмотрел в серые глаза юной девушки и почувствовал, что киваю и улыбаюсь. Я моментально забыл о мальчишках и их игре в ножички. И о том, что мной будет недоволен не только Парт, но и отец, если узнает о моем походе на рынок с девочкой-полукровкой.

Однако мы не успели пройти и пяти шагов, как нас окружили мальчишки. Они улыбались, но мне показалось, что мы находимся посреди голодной волчьей стаи. Перед нами, заставив остановиться, возник Ворон. К нему присоединился Карки, успевший перевязать ногу грязной тряпкой. Пальцы девочки дрогнули в моей руке, и я с неожиданной ясностью понял, что ей страшно.

Моя наивная самоуверенность заставила меня сделать шаг вперед и с важным видом заявить:

— Пожалуйста, отойдите в сторону. Мы идем на рынок.

Ворон ухмыльнулся:

— Нет, вы только его послушайте! Мы не стоим на твоём пути, сын полковника. Мы здесь для того, чтобы проводить вас. Есть короткий путь на рынок. Мы его покажем. Вон там, через переулочек.

— Но вон же рынок, его даже видно! — глупо запротестовал я.

Девочка попыталась высвободить руку, но я ее не отпускал. Неожиданно я сообразил, в чем состоит мой долг. Джентльмен всегда защищает женщин и детей. Я инстинктивно догадался, что мальчишки хотят причинить ей вред. Будучи невинным, как младенец, я не мог даже предположить, что они задумали, в противном же случае я испугался бы куда сильнее. Так или иначе, но я был полон решимости охранять девочку.

— Уйдите с дороги, — приказал я.

Но они плотнее сомкнулись вокруг нас, и мы оба невольно отступили на шаг. Они подошли еще ближе, и мы вновь отступили. Нас оттесняли к переулочку — так действуют собаки, заставляя овец двигаться в нужном направлении. Я посмотрел через плечо на мальчишек у меня за спиной, и Карки омерзительно засмеялся. И тогда девочка остановилась и аккуратно высвободила руку, которую я по-прежнему сжимал в своей ладони. Парни приблизились еще на шаг. Они вдруг показались мне гораздо выше и страшнее, чем когда я наблюдал за их игрой. Я уловил запах дешевой пищи и немых тел и быстро огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть взрослых, которые могли бы прийти к нам на помощь, но солнце жарило всюду, и эта часть улицы была пустынной. Люди либо сидели по домам, где было чуть более прохладно, либо толпились на рынке. Немного дальше, возле входа в таверну болтали между собой солдаты. Даже если бы я закричал, взывая о помощи, едва ли кто-нибудь из них обратил бы на нас внимание. Мы находились рядом с переулочком, и я понимал, что еще немного — и нас затащат туда, а тогда уж нам никто не поможет. Собрав волю в кулак, я обратился к мальчишкам:

— Мой отец будет очень недоволен, если узнает, что вы не дали нам пройти.

Карки оскалился:

— Твой отец не найдет твоего тела, офицерский щенок.

Меня никогда так не обзывали, и никто мне не угрожал с такой злобой. Мой отец всегда утверждал, что солдаты любят и уважают хороших офицеров. И я считал, что все солдаты к офицерам относятся с почтением. Ненависть мальчишек меня поразила.

Однако девочка сохраняла присутствие духа.

— Я не хочу никому причинять вред, — негромко проговорила она.

Она старалась говорить спокойно, но ее голос слегка дрогнул.

Ворон рассмеялся:

— Неужели ты думаешь, что мы ничего не знаем, кобылка? Ты в ошейнике. Ты укрощена железом. Ты не можешь сделать больше, чем обычная женщина. Ну а если ты немножко покричишь или даже будешь лягаться, никого из нас это не напугает.

Должно быть, он подал своим друзьям какой-то сигнал. А возможно, подобно стае птиц или своре диких псов, парни действовали, повинувшись инстинкту. Двое младших в этой компании мальчишек — даже они были старше и крупнее, чем я, — схватили меня и с криками потащили к узкому проходу между домами. Ворон и Карки бросились на девочку. Я успел увидеть, как их грязные пальцы вцепились в ее белую блузку. В одно мгновение они подняли юную дочь разведчика и поволокли за мной. Остальные мальчишки, возбужденно смеясь и блестя глазами, толпой следовали за нами. На секунду девочка стала похожа на хрупкую испуганную птицу, а потом ею овладела ярость. Пока меня тащили все дальше, она резким движением высвободила одну руку. Я увидел, как ее изящные пальцы нарисовали в воздухе непонятный знак. Движение напомнило мне короткое заклинание, которое использовал отец, когда, седлая лошадь, застегивал подпругу. Но сейчас я стал свидетелем чего-то иного — куда более древнего и могущественного.

Магию описать трудно. Не было ни вспышки молнии, ни зеленых искр, ни даже удара грома, о чем непременно упоминается в старых гернийских легендах. Девочка лишь сделала едва уловимое движение пальцами. Нет, я не могу его описать или повторить, но тем не менее какая-то древняя часть моей души узнала это заклинание. И хотя девочка направляла свою магию против Ворона и его дружков, меня тоже задело. Все мои мышцы сократились, и на один страшный миг мне показалось, что я утратил контроль над кишечником. Я извивался в руках своих врагов, и если

бы не потерял самообладания, то легко вырвался бы на свободу, поскольку они дергались так, словно их кололи иголками.

Двоим парням, державшим девочку, пришлось гораздо хуже. В то время я еще не видел, как люди бьются в судорогах, и только спустя годы понял, что же на самом деле произошло. Оба потеряли контроль над своими телами, а затем Ворона и Карки в буквальном смысле отбросило от девочки, и они упали на землю в нескольких футах от нее, взметнув тучу пыли. Один из младших мальчиков, судя по внешнему сходству, брат Ворона Дарда, завopil от ужаса и бросился в сторону таверны.

Она пошатнулась, когда руки мальчишек резко разжались, и едва не упала на колени, но тут же выпрямилась и поправила блузку, которую нападавшие успели стащить с ее плеч, частично обнажив маленькую грудь. Приведя себя в приличный вид, девочка сделала несколько быстрых шагов вперед.

— Отпустите его! — сквозь стиснутые зубы приказала она двум юным оборванцам, по-прежнему удерживающим меня.

Ее голос прозвучал негромко, но угрожающе.

— Но... твой железный ошейник! — изумленно воскликнул один из мальчишек.

Он смотрел на нее, разинув рот, с испуганным и оскорбленным видом, словно она нарушила правила игры. Второй отпустил меня, и вся ватага бросилась бежать, завывая точно стая собак, которым крепко досталось, хотя я не сомневался, что никто из них не пострадал. Она ничего не ответила бессовестному мальчишке. Ее пальцы задвигались, и смельчак, задавший вопрос, не стал дожидаться, когда она закончит творить заклинание. Он, как и я, знал, что заклинания жителей равнин имеют ограниченную дальность действия. Он резко толкнул меня на девочку, повалив в пыль у ее ног, а сам помчался за своими друзьями. Карки уже исчез, скрывшись за углом в переулке. Пока Ворон поднимался на ноги, девочка помогла встать мне. Потом она повернулась к обидчику, словно намереваясь пожелать доброго дня, и сказала:

— Черная краска на бронзе, и никакого железа. Мой отец никогда не наденет железо на одну из нас. Он не приносит железо в наш дом.

Ворон медленно отступал от нас. Его лицо покраснело от злобы, в черных глазах сверкала ярость. Решив, что находится в безопасности, Ворон остановился и принялся обзывать девочку са-

мыми отвратительными словами, какие только знал, — большинство из них я раньше даже не слышал. Напоследок он заявил:

— Твой отец опозорил себя, когда вставил свой член твоей матери. Уж лучше бы он проделал это с ослицей и произвел на свет мула. Вот кто ты есть — кобыла, лошачка. Мул. Помесь. Уродец. Ты можешь обрушить на нас свои гнусные чары, но наступит день, когда один из нас оседлает тебя. И прольется кровь. Ты еще заплатишься.

Ворон становился все смелее, — быть может, мой разинутый рот добавил ему уверенности. И тут разведчик, — совершенно бесшумно подошедший сзади к Ворону, схватил его за плечи. Одним стремительным движением он развернул мальчишку и тыльной стороной ладони ударил его по лицу. Он нанес удар, совершенно не сдерживаясь, похоже, даже не пытаясь сделать скидку на то, что перед ним подросток. Я услышал треск ломающихся костей и понял, что Ворон еще долго не произнесет ни одного бранного слова — до тех пор, пока у него не заживет челюсть. Казалось, этот звук послужил заклинанием, привлекающим любопытных, — люди срывались со своих мест в тени возле казарм и таверны и торопливо двигались к нам. Среди них я заметил Дарду, который за руку тащил Вева, своего отца. Тут же появился мой отец, яркий румянец гнева заливал его щеки.

Казалось, все заговорили одновременно. Девочка подбежала к отцу. Он обнял ее за плечи и, склонив к ней голову, негромко сказал:

— Мы уезжаем, Сил. Прямо сейчас.

— Но... Я так и не побывала на рынке! Папа, это была не моя вина!

Вев опустил на колени возле Ворона, затем посмотрел на разведчика и завопил:

— Проклятье, он сломал моему мальчику челюсть!

Из таверны выходили все новые люди, шурясь от яркого солнечного света, словно ночные животные, которых разбудили тревожные крики. Они злобно смотрели на разведчика, а потом с сочувствием на лежащего на земле мальчика.

— Невар, — резко обратился ко мне отец, — как ты оказался вовлечен в эту историю? И где Парт?

Парт, усы которого еще не успели просохнуть от пива, возник за спиной отца — он едва ли не последним вышел из таверны. Подозреваю, он распивал очередную кружку пива вместе с Вевом,

когда тот выскочил из-за стола и бросился на улицу. Парт тут же закричал, заглушая остальных:

— Слава добрым богам! Вот мальчишка. Невар, немедленно иди сюда! Я тебя искал. Ты ведь знаешь, что нельзя убегать и прятаться от старого Парта. Форт — это не место для баловства.

Голос моего отца мог перекрыть шум битвы. Однако он не кричал. Все дело было в том, как он говорил.

— Можешь возносить хвалу, кому пожелаешь, Парт, но меня ты не обманешь. Ты больше на меня не работаешь. Забирай свое седло.

— Но, сэр, во всем виноват мальчишка! Он убежал, как только вы вошли в дом...

Парт смолк. Мой отец уже не обращал на него внимания. Впрочем, как и все остальные. Командир заставы спустился по ступенькам с крыльца и решительно направился к нам, а его помощник, старавшийся не отставать, что-то быстро ему говорил. Потом он вышел вперед, расчищая начальнику гарнизона дорогу в толпе зевак, и наконец они приблизились к нам. Следует отдать должное командиру — он выглядел совершенно спокойным, даже равнодушным.

— Что здесь происходит? — строго спросил он.

Все, кроме Вева, замолчали, а тот заявил:

— Он ударил моего мальчика и сломал ему челюсть, сэр! Это сделал разведчик! Подкрался к моему мальчику и ударил его!

— Разведчик Халлоран. Ты можешь объяснить свои действия?

Лицо Халлорана превратилось в маску. Во мне что-то сжалось, хотя я не смог бы объяснить, что означала такая перемена в лице. Разведчик ответил, тщательно подбирая слова:

— Сэр, он оскорблял мою дочь и угрожал ей.

Командир нахмурился.

— И все? — спросил он, дожидаясь более подробных объяснений.

Наступило долгое молчание. Я пришел в замешательство и пожегил. Девочек нельзя оскорблять. Даже я это знал. И тогда я исполнил свой долг. Мой отец часто повторял, что мужчина обязан всегда говорить правду. Я откашлялся и проговорил:

— Они схватили ее за руки и попытались затащить в переулок. Потом Ворон назвал ее лошачкой, а после того, как она его отшвырнула, сказал, что оседлает ее. И прольется кровь.

Оглавление

Глава 1. Магия и железо	9
Глава 2. Предвестник	33
Глава 3. Девара	57
Глава 4. Переправа по мосту	80
Глава 5. Возвращение	119
Глава 6. Меч и перо	140
Глава 7. Путешествие	164
Глава 8. Старый Тарес	196
Глава 9. Академия	217
Глава 10. Сокурсники	237
Глава 11. «Посвящение»	257
Глава 12. Письма из дома	283
Глава 13. Бессом Горд	311
Глава 14. Кузина Эпани	354
Глава 15. Спиритический сеанс	369
Глава 16. Прогулка в парке	389
Глава 17. Тайбер	415
Глава 18. Обвинения	437
Глава 19. Вмешательство	456
Глава 20. Мост	477
Глава 21. Праздник	502
Глава 22. Бесчестье	523
Глава 23. Чума	545
Глава 24. Торжество справедливости	578

Хобб Р.

X 68 Дорога шамана : роман / Робин Хобб ; пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 608 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-20327-3

Королевство Герния расширяет свои владения, покоряя и принуждая к оседлости, а то и уничтожая кочевые племена. Жители равнин владеют природной магией; Герния же сделала ставку на современное оружие, и она уверенно одерживает верх. Но ей по-прежнему нужны профессиональные воины. Уже давно сложилась традиция: в благородной семье первый сын получает отцовское наследство, третий становится священником, а второму достается удел солдата.

Невар Бурвиль, второй сын человека, за военные заслуги получившего титул лорда, поступает в престижную Королевскую Академию кавалеры. Юноша смело рассчитывает на блестящую карьеру офицера-кавалериста, но вскоре открывает, что перед ним лежит далеко не прямая дорога. Он попадает в паутину несправедливости, интриг и грязных игр. И он еще не знает, что его ждет особая судьба — стать связующим звеном между древним магическим миром и бурно развивающейся цивилизацией.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБИН ХОББ
ДОРОГА ШАМАНА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректор Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.11.2021. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 7000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZNF-29178-01-R